М. В. Муратов

ДУХОБОРЦЫ
ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Издание Восточно-Сибирского
Отдела Русского Географиче-
ского Общества

ИРКУТСК
1923

О существовании секты духоборцев в Иркутской губернии знают очень немногие. Даже в самом Иркутске люди, интересующиеся народной жизнью, имеют очень смутное представление о последователях одной из своеобразнейших русских сект, которые, как оказывается, уже больше чем полстолетия живут в нескольких десятках верст от губернского города. Объясняется это тем, что иркутские духоборцы представляют собою очень небольшую кучку сектантов, не имеющую связи с остальными своими единоверцами, которые до последнего времени были сосредоточены, главным образом, на Кавказе и в Канаде, куда значительная часть духоборцев, преследовавшихся правительством за их учение о необходимости обобществить имущество и за отказ от оружия, переселилась в девяностых годах прошлого века. Только односельчане да приходское духовенство и местные сельские власти время от времени сталкиваются с ними и убеждаются, что „духоморы", как насмешливо зовут их соседи, по прежнему держатся своих воззрений.

Но для исследователя изучение этой небольшой группы сектантов представляет значительный интерес: оно дает возможность проследить жизнь совсем изолированного кружка духоборцев и попытаться выяснить, в каком мере удержались у них первоначальные воззрения и обычаи, при отсутствии общения со своей средой. Вместе с тем мы имеем возможность присмотреться к редкой религиозной общине, состоящей из коренных сибиряков: как известно, в Сибири сектантство обычно не только появлялось под влиянием приезжих из России, но и развивалось преимущественно среди переселенцев, мало затрагивая старожилое население. К сожалению, однако, некоторые вопросы, возникающие при изучении иркутских духоборцев, не могут быть разрешены с достаточной точностью: источники, которые могут быть использованы при исследовании, не позволяют вполне выяснить обстоятельства, сопровождавшие возникновение изучаемой группы духоборцев.

4

———

В печати мы имеем об иркутских духоборцах лишь несколько заметок, которые содержат мало фактических данных. Большее значение могли бы иметь документы, которые должны были бы сохраниться в архивах канцелярии губернского правления в связи с теми преследованиями, каким подвергались иркутские духоборцы.

Но поиски, предпринятые в этом направлении, дали немного. В архиве иркутской духовной консистории пока удалось найти лишь два небольших дела: одно из них[1]) показывает лишь, что в 1869 г. в консистории было получено донесение священника села Коты, Иркутского уезда, о том, что крестьянин Котинского селения, Петр Сергеев отказался крестить дочь, но затем это дело было передано для производства следствия гражданским учреждениям и, повидимому, в конце концов, было направлено в окружный суд, при чем нет никаких указаний на то, что суд рассматривал это дело. Второе дело, возникшее по обвинению крестьянина Котинского селения Матвея Сергеева в том, что он вступил в брак по обрядам духоборческой секты, содержит некоторые любопытные сведения о свадебных обрядах иркутских духоборцев, но тоже в общем дает мало материала[2]). Архивы иркутского губернского правления и окружного суда находятся в таком состоянии, что в настоящее время совершенно не могут быть использованы для научной работы и трудно сказать, удастся ли когда-либо найти там материалы об иркутских духоборцах. Поэтому для того, чтобы восстановить прошлое иркутских духоборцев, приходится обратиться к воспоминаниям, сохраняющимся в их среде в настоящее время. Беседы, которые пришлось вести с иркутскими духоборцами в мае 1921 года, когда мною была предпринята поездка в село Коты и Оёк Иркутского уезда для собирания сведений о духоборцах, рукопись „Жизнь христиан—духоборцев", составленная по моей просьбе крестьянином села Коты духоборцем Елисеем Петровичем Сергеевым, на основании распросов своей матери и других местных духоборцев, наконец, рукописи воспоминаний, написанные для меня духоборцами, отказывавшимися от военной службы при старом строе, позволяют значительно дополнить те сведения, которые можно извлечь из архивных и печатных источников.

———————

[1]) Архив иркутской духовн. консистории. Дело о некрещении крестьянином Котинского селения Петром Сергеевым своей дочери. Дело 1 стола за 1869 г., № по сдат. оп. 125.

[2]) Архив ирк. дух. консист. Дело о вступлении крестьянина Котинского селения духоборца Матвея Сергеева в брак с крестьянской дочерью Анной Щекиной по обрядам духоборческой секты. Дело 1 стола за 1873 г. № 167.

5

———

Особенно полезным источником является рукопись Е. П. Сергеева. Сам Е. П. Сергеев, еще довольно молодой (33 лет) крестьянин, пользуется авторитетом среди

духоборцев, как наиболее развитый между ними. Он производит впечатление очень искреннего человека и, неоднократно встречаясь с ним, я мог вполне убедиться в его большой добросовестности и беспристрастном отношении к единоверцам. Рукопись его написана на 7-ми страницах писчей бумаги, почерком малограмотного человека, но дает цельный и содержательный рассказ о прошлом и настоящем иркутских духоборцев.

В настоящее время духоборцы в Иркутской губернии живут в трех селениях Иркутского уезда: Коты, Оёк и Захалы. Все источники указывают, что первоначально духоборчество появилось в с. Коты, но время возникновения здесь секты можно установить лишь приблизительно.

Свящ. Вас. Копылов, служивший в селе Котах, в 1874 г. напечатал в Иркутских Епархиальных Ведомостях статью „Котинские духоборцы", в которой сообщает некоторые сведения о возникновении секты духоборцев в Котах[1]). Но несмотря на то, что в то время появление секты духоборцев в Котах, по выражению свящ. Копылова, было „дело не очень старое", в статье нет точных указаний на время возникновения секты: как видно из текста, свящ. Копылов приехал в Коты лишь за 9 месяцев до того, как составил свою статью и получил сведения от местных жителей, которые в разговорах с ним дали указания не вполне определенные.

По словам свящ. Копылова, некогда в селе Котах жил духоборец по имени Герасим и два каких-то поселенца — тоже духоборцы. Они не оказывали влияния на местное население, пока к ним не присоединились сосланный из России поселенец Гавриил Федотов с женой Марией, также духоборкой. Тогда Герасим начал вести проповедь особенно энергично и обратил в духоборчество крестьянина села Коты Николая Щекина. Свящ. Копылов дает этому первому духоборцу, которого, повидимому, знал лично, такую характеристику: „Микула обладает удивительною памятью и даром слова. Безграмотный, он знает на память и довольно верно читает целые псалмы из псалтыря и многие главы из Евангелия"[2]).

Вскоре после обращения Николая Щекина над поселенцами духоборцами начато было формальное следствие. Гавриил Федо-

———

[1]) Ирк. Епарх. Вед. 1874 г. № 28. Свящ. В. Копылов. Котинские духоборцы.

[2]) Ирк. Епарх. Вед. 1874 г. № 28, стр. 377.

———

тов с женой были сосланы в Якутскую область, духоборец Герасим умер, а двое других поселенцев духоборцев выехали из с. Коты. Через несколько лет Гавриил Федотов умер в Якутске, а жена его Мария вместе с духоборцем Гилевым, бывшим в ссылке в Якутской области, решила переселиться на Амур, где была духоборческая община. По пути из Якутской области она вместе с Гилевым остановилась в Котах у сына своего Кузьмы, где и прожила 4 месяца, пережидая зиму. Тогда духоборчество вновь появилось в Котах: Николай Щекин, который во время первого следствия, по словам свящ. Копылова, не был открыт, после ухода на

Амур Марии Федотовой сделался главным организатором секты в Котах, повел энергично проповедь и склонил на свою сторону жену, трех своих дочерей и пять крестьян.

Котинские духоборцы в настоящее время подтверждают не все подробности этого рассказа. Духобор Елисей Петрович Сергеев, в упомянутой выше рукописи, на основании рассказов своей матери Екатерины Афанасьевны, дочери одного из первых обратившихся в духоборчество котинских крестьян, так говорит о возникновении духоборчества в селе Котах:

«В 1863 года проежали кавькаския духоборцы, которы были въ сылке в Якуцкой губернии за свое духоборческое учение. И получили право переселитца на амур и совершили свое путешествее въ 1863 году и по какому то важному делу троя из них остались зимовать въ селе Котах, Оекской волости. Когда они проводили зиму, то они не забыли учения. А ихний долгъ былъ проповедать учение Христа, хотя и были приследованы от месных властей и духовенства провославнах церквей. Несмотря на все ети угрозы они не унывали и от нихъ, как семе патерено, осталось учение Христа здесь. После ихного отьстуцвея на Амур крестяны с Котов и с. Оека были приследуемы за тоже учение отъ месныхъ жителей. Из них 5 человек с Котов и 1 человек с Оека, 1-ый Николай Федотович Щекин, 2-й — Афанасий Иванович Сергеев. 3-й — Михаил Андреевич Сергеев, 4 й — Петр Андреевич Сергеев, Кузма Федотович Гаврилов, съ Оеку Алексей Агеев»[1])

В разговоре со мною Е. А. Сергеева добавила, что одна женщина еще раньше обратилась в их селе в духоборчество,

———

[1]) Рукопись Е. П. Сергеева «Жизнь христиан духоборцев в селе Коты, Оекской волости, Иркутского уезда и губернии». Выдержки из этой рукописи, такие как и из других цитируемых мною ниже рукописей, сделаны с сохранением орфографии подлинника. Знаки же препинания, которые совершенно отсутствует в этих рукописях, мною поставлены для удобства чтения.

———

ушла в ссылку в Якутскую область и, возвращаясь оттуда, остановилась в Котах, по пути на Амур, при чем спутников ее звали одного Гилев, а другого Соколов, и были они родом с Кавказа. Сестра же ее, Екатерина Афанасьевна Бахарева (с. Захалы), припомнила по рассказам, которые слышала еще в детстве, что духоборец, зимовавший в Котах и обративший ее отца, был старичек «мухренький», который занимался сапожным ремеслом, а, когда к нему приходили крестьяне с заказами, заводил разговор, и, ковыряя сапог, спрашивал: «какая твоя вера, да какая твоя жисть, да какая твоя учения».

Сопоставляя эти рассказы котинских духоборцев со статьей свящ. Копылова, мы видим, что они совпадают во всем существенном: правда, котинские духоборцы не помнят о первых поселенцах, высланных из их села, но рассказ свящ. Копылова о Марии Федотовой и ее муже Гавриле Федотове, высланном в Якутск, и духоборце Гилеве, вместе с которым она на обратном пути по дороге на Амур зимовала в

Котах, ими подтверждается. Совпадает и одна подробность, показывающая, что воспоминания котинских духоборцев довольно точны. Свящ. Копылов говорит, что жена Гавриила Федотова, Мария, зимовала у своего сына Козьмы, в рукописи Е. П. Сергеева в числе первых пяти котинских духоборцев значится Козьма Федотович Гаврилов. Если переставить фамилию и отчество, повидимому, перепутаные, можно утверждать, что речь идет об одном и том же лице.

По рассказам котинских духоборцев, первый, обратившийся в духоборчество, местный крестьянин отошел от церкви под влиянием возвращавшихся из Якутской области духоборцев, зимой 1863-64 года, живших в с. Коты, а по словам священника Копылова, он еще раньше примкнул к духоборцам, но не проявлял своей веры, а с этого времени стал действовать открыто и энергично.

Найденное в Центральном Архиве Восточной Сибири (Иргубархив) дело главного управления Восточной Сибири позволяет до некоторой степени выяснить личность переселявшихся из Якутска на Амур духоборцев и указывает, как расселялись в Сибири ссылавшиеся туда сектанты[1]). По имеющимся в деле материалам видно, что в 1860 году царь по докладу генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурского разрешил «раскольников кроме скопцов» приписывать к городским общест-

———————

[2]) Ц.А.В.С. (Иргубархив). Дело по указу правит сената о дозволении раскольникам, кроме скопцов, приписываться по Амуру к городам. Здесь же о поселении на Амуре духоборцев, просивших об этом за 1860 г. Дело главн. упр. Вост. Сиб. за 1860 г. К 43/35, № 56.

вам Амурской и Приморской области, население которых было тогда очень малочисленно, вместе с тем генерал-губернатор, узнав, что пять духоборцев, пересылавшихся для поселения в Восточную Сибирь, назначены иркутским губернским правлением в Якутскую область, приказал отправить их на Амур и запросил губернское правление, на каком основании оно сделало свое постановление.

Ответ губернского правления выясняет порядок поселения в Сибири сектантов: генерал-губернатору было сообщено, что на основании решения государственного совета, утвержденного в 1842 году, последователи вредных сект, ссылавшиеся в Сибирь, селились в Минусинском округе Енисейской губернии и в Иркутск попадали лишь случайно сюда засланные. Обратно посылать их губернское правление не считало возможным и установило для таких лиц местом поселения Якутскую область.

Все пять духоборцев, пересланные по распоряжению генерал-губернатора на Амур, были казаки с Кавказа, отданные за духоборчество в 1857 году в солдаты сибирских войск, а затем, по исключении из воинского звания, отправленные на поселение. Перед отправлением на Амур они подали заявление, в котором писали, что их единоверцы: урядник Кубанского полка Аким Горлов и казак Григорий

Соколов, сосланные за распространение духоборчества в одно время с ними, но пришедшие в Иркутск в 1859 году, уже поселены в Якутской области и просили переселить их на Амур. Генерал-губернатор приказал запросить по этому поводу Горлова и Соколова и, получив в 1861 году ответ, что они хотят переселиться, но не имеют для этого собственных средств, сообщил просителям, что в распоряжении казны нет сумм, которые можно было бы использовать для этой цели. Повидимому, через некоторое время оба, попавшие в Якутскую область, духоборца решили все же отправиться на Амур, но, за неимением средств, останавливаться по пути и зарабатывать на дорогу. Фамилия одного из них, Соколова, сохранилась в памяти духоборцев села Коты вполне точно; фамилия его спутника, по всей вероятности. Горлова, в воспоминании духоборцев исказилась и они называют его теперь Гилевым.

Во всяком случае несомненно, что именно появление в Котах духоборцев, переселявшихся из Якутска на Амур, вызвало здесь развитие этой секты. Архивные данные косвенно подтверждают сообщение рукописи Е. П. Сергеева о том, что котинские крестьяне духоборцы отошли от церкви в это время: по крайней мере, в деле о браке Матвея Сергеева с дочерью

9

———

Николая Щекина, Анною, говорится, что Матвей Андреев Сергеев обратился в духоборчество в 1864 году. [1])

Из статьи свящ. Копылова не видно, как реагировали местные власти на появление духоборцев в селе Котах. Но в памяти котинских духоборцев сохранились воспоминания о тех преследованиях, которые пришлось перенести в это время перешедшим в духоборчество. В рукописи Е. П. Сергеева так об этом говорится: „в 1865 году провославное духовенство в марте месяце принудително застовяли их поститца. Ну как они напитались учением Христа, они категорическо заявили, что поста мы плотскова не сознаем и не хотим поститьца. Был при том провославной месной свещенник, которой приказал всех етих лиц свезать на одну веревьку и отправили в тюрьму, в которой находились с женами и детями 1 месяц, а потом был сут, на котором оправдались и остались на местах жителствах и открыто повели свою христианскую жизнь".

В делах Иркутской Консистории, к сожалению не удалось найти следов этого процесса. Но котинские духоборцы хорошо помнят о том, как их отцов и матерей гнали в город привязанными к одной веревке. Е. А. Сергеева, тогда бывшая еще девочкой, по ее словам, сама видела это шествие и плакала, глядя на уводимых. Она добавляет к этому, что в то время местные сельские власти сделали опись имущества арестованных и отдали его в опеку.

Трудно, разумеется, утверждать, что детали этого события сохранились в памяти духоборцев вполне точно: по чьему приказу были связаны духоборцы, подвергались ли они действительно суду или дело закончилось следствием и допросом в городе, документально установить не удалось.

Возможно, что и год, к которому относится это происшествие, указан не точно. А. Н. Сергеева (Щекина), та самая, о свадьбе которой без церковных обрядов в 1873 году сохранилось архивное дело, ныне семидесятилетняя старушка, рассказывает мне, что ей в ту пору было 15 лет. Таким образом, по ее словам, духоборцы были взяты в Иркутск около 1868 года.

Со слов родителей теперешние духоборцы передают и об увещании, которое было сделано духоборцам в городе. Теперь это увещание представляется в виде прения о вере, которое было у духоборцев с духовенством. Е. А. Сергеева, М. А. Бахарева и А. Н. Сергеева (Щекина) передавали мне предание о том, как 12 человек священников во главе с „архи-

———

[1]) Архив Иркутской духовной консист. Дело 1 стола за 1873 год, № 107, л. 1.

———

мандритом" безуспешно старались разубедить духоборцев. И один старичек духоборец, по словам А. Н. Сергеевой, ее отец, Н. Щекин, сам стал „наступать" на духовенство и сказал „архимандриту" — „у братских бывают шаманы, и вы шаманы, больше ничего".

После этого, — рассказывают духоборцы, — архимандрит замолчал, а потом сказал сидевшим с ним священникам: и верно, мы шаманы.

Повидимому, увещание кончилось для духоборцев благополучно; они были отпущены по домам; по крайней мере, ни воспоминания духоборцев, ни архивные материалы не дают оснований утверждать, что это дело имело дня них какие-либо последствия.

Итак по имеющимся у нас данным в 1863/4 году присоединилось к духоборческой секте 6 крестьян — 5 из с. Коты и 1 из с. Ойек, находящегося в 3-х верстах от с. Коты, при чем семьи их пошли за ними. К сожалению, источники не дают достаточно материала для характеристики этих первых духоборцев. Можно отметить приведенное уже свидетельство свящ. Копылова, который определял одного из первых обратившихся в духоборчество, Н. Щекина, как человека очень убежденного, настойчивого, на память знающего многие места писания и вместе с теш, неграмотного. Таким же образом характеризовали мне Е. А. Сергеева и М. А. Бахарева их отца Афанасия Сергеева, также одного из первых, обратившихся в духоборчество.

Они рассказывали мне, что до своего обращения их отец был очень ревностным православным: например, он требовал, чтобы перед обедом каждый раз вся семья, в том числе и дети, становились на молитву.

Потом, обратившись в духоборчество, он стал так же ревностно исповедывать новую веру. Он был неграмотным, но очень хотел знать писание. И каждый раз, когда в село приходил грамотный нищий, он зазывал его, кормил и просил читать вслух псалтирь и евангелие.

О других первых духоборцах мне не удалось получить никаких сведений.

Новая община росла очень медленно и количество ее членов не было сколько нибудь значительно. По словам Е. П. Сергеева, к первым 6 духоборцам через 5 лет присоединился еще один крестьянин с женою и сыном, потом — уже в 1893 г. — еще две семьи, затем в разное время присоединились еще 3 семьи, в том числе одно семейство из села Захалы, другое из села Коты.

11

———

Таким образом в первые 30 лет увеличение числа духоборцев путем присоединения новых лиц происходило крайне медленно: община состояла, главным образом, из семейств, обратившихся в шестидесятых годах, увеличиваясь больше путем естественного прироста, чем посредством вступления новых членов. Официальные данные подтверждают это сообщение; в 1888 г., при производстве переписи, духоборцев в Иркутской губернии зарегистрировано 8 семейств в числе 43 душ[1]). Такая медленность роста является совершенно понятной: иркутские духоборцы были оторваны от своих единоверцев, с которыми они находились в общении слишком недолго для того, чтобы проникнуться их учением в такой степени, в какой это было необходимо для широкого распространения духоборчества.

Е. П. Сергеев говорил мне, что в начале, кажется, поддерживалось некоторое общение с амурскими духоборцами, тоже оторванными от основной массы своих единоверцев, но следов этого общения мне не удалось обнаружить. Старушка А. Н. Сергеева мне сообщила, что духоборы с. Коты в первое время после своего обращения могли поддерживать связь со своими единоверцами, жившими в сел. Мальта Иркутской губ., но затем последние переселились на Амур. Это сообщение является интересным, если принять во внимание, что в двадцатых годах XIX века несколько старожилых крестьян с. Мальта приняли духоборчество. Об одном из этих крестьян известно, что он еще в сороковых годах придерживался своей веры, но до сих пор не было сведений о том, существовало ли духоборчество в Мальте в более поздние годы[2]).

Духоборцы Иркутской губернии живо чувствовали свою оторванность от духоборческой общины. Мечта о переселении на Кавказ никогда не оставляла их и жива до настоящего времени.

В свое время они принимали некоторые меры для того, чтобы организовать это переселение. У Е. П. Сергеева хранится отношение канцелярии иркутского генерал-губернатора от 19 января 1890 года, адресованное его отцу и другим духоборцам, в котором они уведомляются, что „посланное ими генерал губернатору прошение, в коем они ходатайствуют о переселении их на Кавказ, на основании 130 ст. сельских сборов, оставлено его Высокопревосходительством без последствий. При этом взыс-

---

[1]) П. Астырев. В гостях у иркутских духоборцев. Северный Вестник, 1891, № 4, стр. 53.

[2]) См. мою работу „Духоборцы в восточной Сибири в первой половине XIX века". Труды профессоров и преподавателей Иркутского университета, вып. V. Иркутск, 1923 год.

кать с просителей одну гербовую марку 80 коп. достоинства на оплату настоящего ответа".

Таким образом простое формальное упущение со стороны духоборцев явилось предлогом для того, чтобы оставить их ходатайство без последствий.

Есть указание, что они возобновили это ходатайство, прося разрешить им переселиться на Кавказ с оплатой проезда по переселенческому тарифу, но в последнем им было отказано.

Однако, духоборцы продолжали думать о соединении со своими единоверцами. В 1903 году иркутские духоборцы обратились к Л. Н. Толстому с письмом, в котором писали и о своих попытках переселиться к другим духоборцам. В этом же письме духоборцы сообщают и копию прошения, с которым они обращались в 1903 году к министру внутренних дел, излагая свое вероучение и ходатайствуя об освобождении от военной службы.

Письмо иркутских духоборцев к Толстому было отправлено его друзьями за границу и напечатано в журнале „Свободное Слово", который издавался тогда В. Г. Чертковым в Англии.

В письме этом духоборцы писали: «Лет 10 тому назад мы подавали прошение иркутскому генерал-губернатору, чтобы нам позволили переселиться за Кавказ. Нам позволили, но так как мы просили у казны проезд по дешевому тарифу, в виду некоторых несостоятельных из среды нас семей, то нам на это ответили, что мы можем ехать только на собственные средства. Тогда мы поездку отложили. Но когда в 1900 году из Закавказья следовали братья—духоборы в Якутскую область, то нам благорассудилось присоединиться к ним и мы подали прошение опять генерал-губернатору. Нам губернатор не посоветовал туда, об'ясняя, что они посланы туда на 18 лет сроком; и мы ехать туда не решаемся»[1]).

Итак, по словам иркутских духоборцев, они хотели переселиться даже в Якутскую область для того, чтобы жить вместе со своими единоверцами. Можно высказать предположение, что это обращение к Л. Н. Толстому явилось следствием бесед иркутских духоборцев со своими кавказскими единоверцами, с которыми они имели возможность в эти годы встречаться, и от которых могли узнать о том участии, какое проявлял в это время Л. Н. Толстой по отношению к духоборцам.

Религиозное брожение, возникшее в девяностых годах среди кавказских духоборцев, как известно, привело их к попытке

---

[1]) «Свободное Слово», 1904 г. № 10.

воплотить в жизнь многие взгляды Л. Н. Толстого, отчасти потому, что вообще эти взгляды были близки им по духу, а отчасти потому, что они были восприняты П. В. Веригиным, которому значительная часть духоборцев повиновалась безусловно, считая его своим духовным вождем. За отказ от военной службы сорок духоборцев, отбывавших в то время воинскую повинность, были заключены в дисциплинарный батальон, а затем вместе с ратниками ополчения и запасными, вернувшими военному начальству свои документы, были сосланы в Якутскую область на 18 лет.

Село Оёк лежит на самом Якутском тракте, а с. Коты — в 3-х верстах от него, и естественно, что иркутским духоборцам, большая часть которых в то время совсем не видала своих единоверцев, представилась возможность с ними познакомиться.

Впоследствии, в 1899 году, к якутским духоборцам приехали их жены и приезжали их единоверцы, и таким образом иркутские духоборцы могли в беседах с ними укрепить свою веру и узнать многое для себя новое.

И, действительно, котинские духоборцы разсказывали мне, что проездом в Якутскую область у них останавливался один из виднейших последователей П. В. Веригина — И. Е. Конкин. Они говорили мне, что он очень спешил: повидимому, он провел в Котах всего сутки и так был озабочен мыслями об устройстве ссыльных, что мало говорил о вере. Один из двух делегатов, посланных в 1922 году канадскими духоборцами для ведения переговоров с правительством Р. С. Ф. С. Р. об обратном возвращении духоборцев в Россию — Ил. Ил. Таранов, некогда бывший среди сосланных в Якутскую область, встретившись со мной в Москве, говорил мне, что помнит иркутских духоборцев, которые хорошо их принимали, хотя, живя вдали от остальных духоборцев, во многом от них отстали.

Ходатайство иркутских духоборцев о льготном проезде на Кавказ не было удовлетворено, и они остались на месте.

После 1905 года, несмотря на то, что сектанты в это время стали пользоваться некоторой свободой, количество иркутских духоборцев не увеличивалось. Среди них не было людей, которые могли бы отдаться проповеди; их изолированность не давала возможности привлечь для этого кого-либо из числа их единоверцев, живущих в других местах. Е. П. Сергеев насчитывает к 1910 году 17 духоборческих семейств, которые являлись потомками духоборцев, обратившихся из православия в первое время существования секты, при чем отмечает, что многие из них стали равнодушны к своей вере: «дух духо-

———

борческого учения понизился, многие из духоборцев углубились в различные прихоти мира и стали забывать учение Христа. А тем больше молодые."

В июле 1920 года была сделана попытка возрождения духоборчества: на общем собрании было решено, по словам рукописи Сергеева „повысить дух своего учения и зделать членскую запись, чтобы учение Христа прославить въ своей жизне — и приступить къ строгому соблюдению слова божего". При этом было постановлено наименовать новую общину „христианская религиозная община духоборцев".

Кроме духоборцев, от рождения принадлежавших к этой секте, на собрании было еще 3 человека, согласившихся войти в общину: Л. А. Пластун — сын духовного штундиста А. М. Пластуна, сосланного в Сибирь в 1888 г., один из крестьян с. Оек, и один бывший солдат из полка, расквартированного в то время в этой местности. Некоторые из прежних духоборцев войти в новую общину не пожелали и всего из духоборцев „природных", как выражается Е. П. Сергеев, вошло в общину 13 крестьян с их семьями: 7 из с Коты, 4 из с. Оек, 1 из села Куяды, и 1 из с. Захалы.

По своей зажиточности котинские духоборцы не выделяются среди остальных крестьян — между ними есть и очень бедные, есть „средняки" и довольно состоятельные люди. Таким образом в этом случае не подтверждается обычное представление о сектантах, как о людях экономически более сильных, чем окружающие их жители.

Духоборческая община и после попытки ее обновления оказалось мало жизнеспособной. Инициатор этой попытки в продолжении последних лет находился в таком положении, при котором не мог отдаваться работе для общины: бедный однолошадный крестьянин, он должен был напрягать все свои силы для того, чтобы пропитать свою семью в трудное время. К тому же возможно, что у него нет всех тех данных, которые нужны для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в духоборческую среду: очень мягкий, вдумчивый, по выражению котинских духоборцев, имеющий «развитую голову», он как будто не обладает той способностью подчинять своему влиянию людей, которая так нужна для организатора общины. Другие духоборцы ему в большей или меньшей степени сочувствуют, некоторые из них — особенно старушки - духоборки, его братья и еще 2—3 человека, несомненно, преданы духоборчеству, но не пытаются его распространять.

Собрания духоборческой общины происходят очень редко и религиозной активности духоборцы теперь не обнаруживают.

15

———

Что же касается тех «природных» духоборцев, которые не вошли в духоборческую общину при попытке ее обновления, то они, хотя и именуют себя духоборцами, однако, производят впечатление людей, которые по своим стремлениям и поведению почти ничем не отличаются от окружающих крестьян, если не считать отрицательного отношения к церковным обрядам и духовенству.

Итак, иркутские духоборцы представляют собою маленькую кучку сектантов, которая просуществовала около шестидесяти лет, очень мало увеличиваясь, но в то же время не сливаясь с окружающей средою, хотя некоторые из них теперь фактически мало выделяются среди местного населения.

II.

Несмотря на то, что иркутские духоборцы оказывали мало влияния на окружающее население и новые случаи обращения в духоборчество бывали очень редко, все же им приходилось испытывать некоторые преследования за веру и после того, как попытка привлечь к ответственности последователей этой секты окончилась безрезультатно.

История сектантства показывает, что при возникновении новой религиозной общины ее приверженцы обычно встречали гонения с двух сторон: их притесняли односельчане, нередко доходившие до того, что устраивали настоящие сектантские погромы, и вместе с тем их преследовали духовные и гражданские власти.

Иркутским духоборцам пришлось пережить то и другое, хотя, может быть, и не в такой острой форме, как это было в некоторых других местах.

Е. П. Сергеев так пишет об этом в своей рукописи: «православное население по своему незнанию к сектантскому народу и по внушению духовенства делали нахалния нападения и клявузы различныхъ формъ, а так же налагали на них аресты и сажали в тюрьмы, несмотря на ихную жизнь, что они не воздавали зло за зло, А все были полны радости за крест Христа».

Ближайшим поводом для трений между православным населением и духоборцами явился их отказ участвовать в каких-либо расходах, связанных с содержанием церкви: платить ругу, возить дрова в церковь и т. д. Местное население воспользовалось этим для того, чтобы наложить на них все остальные крестьянские повинности, например, подводную в увеличенном размере, при чем духоборцы жалуются, что на этой почве им

пришлось пережить много притеснений. Особенно чувствительным для них было постановление котинского общества, по которому у духоборцев, отказавшихся участвовать в постройке дома священника, било отнято по десятине земли. Год, когда состоялось это постановление, котинские духоборцы не могли мне точно указать. Но Н. Астырев, бывший у котинских духоборцев в 1888 г. при производстве переписи, сообщает, что котинские духоборцы говорили ему о намерении сельского общества отнять у них по десятине земли, а вскоре после того он узнал, что намерение это приведено в исполнение[1]).

Наделы в Котах не велики, крестьяне жалуются на малоземелье и лишение десятины, действительно, должно было явиться серьезным наказанием для духоборцев. Трения с православным населением происходили у духоборцев до последнего времени, принимая иногда довольно острые формы. Брак духоборца с православной обычно давал повод к таким столкновением: в 1905 году, при браке духоборца Вас. Сергеева, и в 1909 году, при браке духоборца Елисея Сергеева, женившихся на православных, родители невест вместе с соседями силой пытались увести невест из дома жениха, при чем в том и другом случае невестам нанесены были побои. Тем не менее оба брака состоялись. С течением времени, по словам Е. П. Сергеева, неприязненное отношение населения к духоборцам уменьшилось, но не

совсем исчезло. И теперь над ними охотно подсмеиваются и рассказывают, что они по ночам собираются вокруг чана, опускают в воду мелкие деньги и вынимают крупные. То обстоятельство, что котинские духоборцы не отличаются сколько-нибудь значительно от других крестьян по своему благосостоянию, не мешает их односельчанам повторять этот рассказ. Толки о чане, вокруг которого собираются по ночам духоборцы, следует отметить: перед нами характерный образец своего рода бродячей легенды, которая распространена в разных местах России и рассказывается о многих сектантах, преимущественно, однако, о различных последователях секты людей божиих.

Таким образом, иркутским духоборцам пришлось столкнуться с неприязненным отношением к себе со стороны окружающего населения. Вместе с тем и власти не вполне оставили их в покое и время от времени возобновляли борьбу с ними. Ек. Аф. Сергеева рассказывала мне, что около того времени, когда духоборцы были арестованы за отпадение от церкви и уведены в Иркутск связанными, им пришлось пережить еще один арест. По какому то доносу дяди одного из обратившихся

---

[1]) Н. Астырев. В гостях у духоборцев иркутской губ. Северный Вестник, 1891 г., № 4, стр. 64.

в духоборчество, духоборцы были взяты и посажены в тюрьму, где сидели «с Пасхи до Петрова дня». Произошел ли этот случай до того ареста духоборцев, о котором было рассказано раньше или позже, Е. А. Сергеева не могла сказать определенно, а утверждала лишь, что дело происходило в те же годы. Повидимому, этот арест также не имел особых последствий для духоборцев — по крайней мере, об этом мы не имеем никаких данных.

Судя по рассказам иркутских духоборцев, этим закончились попытки властей преследовать их общину в целом. Но случаи административно-судебного преследования отдельных духоборцев за их веру происходили и в дальнейшем.

Как видно из архивных дел, указанных выше, в 1886 году, крестьянин с. Коты, Петр Сергеев, отказался крестить свою дочь, заявив в сельском правлении, куда он был вызван вместе с женою, что церковный обряд выполнить не желает и что дочери уже дал имя Вера. Возникшее по этому поводу по инициативе духовенства следственное делопроизводство до нас не дошло, но, судя по тому, что в рукописи Е. П. Сергеева „Жизнь христиан духоборцев в с. Котах", нет упоминаний об этом деле, можно думать, что оно закончилось благополучно. Точно также и брак крестьянина Матвея Сергеева, совершенный в 1873 г. по обрядам духоборческой секты, о котором местный священник донес в консисторию, вызвал расследование, производившееся в окружном полицейском управлении и назначенное по просьбе архиерея. Результаты этого расследования нам также неизвестны, но оно тоже не имело серьезных последствий: сама Анна Ник. Сергеева (Щекина) даже не помнит, чтобы производились допросы по этому поводу. Надо полагать, что власти решили не преследовать духоборцев за совершение обрядов по своему вероисповеданию. Н.

Астырев указывает, что „после различного рода внушений, которые пережили духоборцы в начале, их оставили в покое и даже выдали им книги для записи рождений и смертей".

Но присоединение к духоборцам новых последователей не всегда проходило безнаказанно.

Так, в рукописи Е. П. Сергеева рассказывается, что, когда в 1893 г. перешли в духоборчество котинские крестьяне Мирон Сергеев и Семен Сергеев, по этому поводу возникло дело и обе семьи были сосланы в Якутскую область на 12 лет. Они были поселены в дер. Кильдемцы, Павловской волости, Якутского округа, где живут и в настоящее время.

18

Несколько случаев обращения в духоборчество, имевших место в более позднее время, не вызвали наказаний со стороны властей, а после 1905 года юридически отпала возможность законного преследования за обращение в духоборчество.

Но была одна область, в которой должны были иметь место столкновения духоборцев с государственной властью: выполнение воинской повинности.

Отношение духоборцев к воинской повинности определилось не в самом начале существования этой секты в России. При Екатерине II духоборцы крестьяне присуждались к отдаче в солдаты, и эти приговоры приводились в исполнение. Несомненно, что духоборцы по самому духу своего учения должны были отрицательно относиться к войне, однако первые, точно установленные, случаи отказов духоборцев от военной службы относятся лишь к царствованию Александра I. Но и тогда отказ от военной службы не стал общеобязательным для духоборцев догматом: в продолжении XIX века можно отметить ряд подобных отказов, но все они носили характер отдельных случаев. Надо полагать, что секта духоборцев, сочувствуя подобным отказам, предоставляла решение вопроса о военной службе совести каждого из своих членов. Этим объясняется и то обстоятельство, что когда в восьмидесятых годах была введена всеобщая воинская повинность на Кавказе, где в то время почти целиком была сосредоточена духоборческая община, духоборцы в массе ей подчинились. И только в 1895 году, когда среди кавказских духоборцев распространилось новое религиозное движение, большая часть духоборцев, пошедшая за своим вождем Веригиным, категорически отказалась выполнять воинскую повинность.

Иркутские духоборцы, которые лишь в продолжении одной зимы находились под непосредственным влиянием одного или двух закавказских духоборцев, а потом потерявшие связь с остальными духоборцами, естественно могли не настолько проникнуться духом учения, чтобы отказываться от военной службы, если и закавказские духоборцы в то время не считали отказа итти в солдаты обязательным требованием своей веры.

Тем не менее через несколько лет после появления духоборцев в Иркутской губернии среди них произошел первый случай отказа от военной службы. Отказался

крестьянин села Коты, Петр Сергеев, отец Е. П. Сергеева, описавшего так этот случай в своей рукописи:

«Въ 1877 году был призван из духоборцов на военную

службу сынъ Михаила Андреива Сергеива петръ Сергеив, которой по своему учению не принял жеребья и стал отказыватца от службы. Не смотря на все его убеждения его заместили в 53 Иркуцской месной батальон в 2-ю роту и придали суду и насильно заставили взясь в руки оружие. Он соглашался служить только без оружия. За то сажали в холодныя карцей и морили голодом. Например, сидел в холодной 5 суток, давали черного хлеба и холодной воды, и когда заметили, что онъ сталъ больной, вывели в теплую. Когда солдаты приходили сучения и выводили его в казармы и привязывали на спину ружие и делали надъ немъ насмешки: подымали ему руки, разостанляли ему ноги и били по бокам. Словом, кто какъ мокъ — было допущено. Несмотря на него поведение и доказателство на учение Христа не обращали внимания и в таком мучение он находился 4 месеца и был присужден к лозгам. Потом по ходательству гражданского губернатора был освобожденъ и заместили в Иркуцкой военной госпиталь, в которомъ служилъ 6 летъ нестроевым".

Вдова П. Сергеева, Е. А. Сергеева, добавила мне некоторые подробности к этому рассказу. Ее муж был призван двадцати лет, вскоре после своей женитьбы. Он заранее решил отказаться и заявил об этом еще в волости. Но его все же отправили вместе с другими новобранцами в Иркутск, сказавши, что там дело разберут. В казарме он снова отказался, и тогда начались его мытарства, которые описаны его сыном. Жена ездила за него хлопотать — просила военное начальство облегчить его положение. И, узнав о тех условиях, в которых содержится ее муж, сказала полковнику, в распоряжении которого он находился: „Вы судите, а не мучьте". Когда состоялось распоряжение наказать Петра Сергеева двадцатью ударами розог (было ли это решение полкового суда или приказ командира, установить сейчас трудно), его жена бросилась ходатайствовать за мужа: была у прокурора, потом пошла к губернатору и, дождавшись его у подъезда, обратилась к нему с просьбой. Губернатор, выслушав ее, дал записку к командиру Петра Сергеева, и тот, отменив наказание, назначил его мастеровым и плотником при военном госпитале.

Так закончился первый случай отказа от военной службы среди иркутских духоборцев. В семье Петра Сергеева обращалось большое внимание на воспитание детей. Е. А. Сергеева рассказывала мне, как, услышав, что кто-нибудь из ее детей, вернувшись с улицы, повторял ругательство, услышанное от других мальчиков, звала его к себе и говорила: — „Ты что сделал? Язык замарал. Три его скорее". Мальчик вытирал язык и спрашивал: „теперь чист?"

Сыновья ее, слушая этот рассказ, улыбались и вспоминали, как им, действительно, казалось, что они запачкали язык. Семья эта и сейчас выделяется своей преданностью духоборчеству, и не удивительно, что дети П. Сергеева пошли по его следам.

Призванный в 1908 году на военную службу сын Петра Сергеева, Иван, также отказался выполнить воинскую повинность. В небольшой рукописи, написанной по моей просьбе и озаглавленной „Из жизни сектанта духоборца ивана петровича Сергеева, рассказъ об отказе от военной службы", он вкратце сообщил, как отказывался от воинской повинности, судился за это и отбывал тюремное заключение. Он был призван еще не достигши 20-летнего возраста, потому что не был занесен в метрическую книгу и его возраст определили по наружному виду. При самом призыве он заявил, что воинской повинности отбывать не будет, основываясь „на религиозно-евангельском учении". „Но мне на ето говорили" — рассказывает И. П. Сергеев в своей рукописи — «послушаемъ тебя в другое время, теперь нам съ тобой некогда разговаривать, а вотъ отправимъ тебя на дальний востокъ, тамъ с тобой расправятся, если отъкажеся от военной службы».

Исправник, которому он на обычный при приеме новобранцев вопрос о здоровии ответил: «здоров, но мало вам пользы, что я здоров или больной, все равно я не буду служить», приказал ему не разговаривать и велел арестовать его при волости. После двухдневного заключения он был отправлен в Иркутск на главную гауптвахту, где просидел 9 суток без допроса. Затем его вызвали ночью к коменданту, который назвал его государственным преступником и об'явил ему, что он отправляется во Владивосток. Надо сказать, что при отказах от военной службы новобранцы нередко отправлялись на окраины: военное начальство, с одной стороны, полагало, что призываемый может одуматься во время пути и, оставшись один, далеко от единоверцев и родных, скорее пойдет на уступки, а с другой стороны, стремилось сбыть его с рук, предоставив возбуждать судебное дело командиру той части, куда назначали отказавшегося.

И. П. Сергеев так передает впечатление, которое он испытал, когда его отправляли во Владивосток:

«Привели меня на станцию, где были арестанския вагоны съ решетками, здали меня канвою, который охранял ети вагоны. Вошел я въ нихъ, увидел там звонъ кандалов и ругание, сквернослови, шум, но мне тут показалось жутко и страшно, все

ето напоминало ад сотоны. Ето были уголовныя преступники, сужденныя, которыя препровождались на дальний восток».

Во Владивостоке И. П. Сергеев сперва был отправлен на гауптвахту, а затем в 610-й стрелковый полк, куда был назначен. Здесь он заявил ротному командиру, что отказывается выполнять обязанности солдата и, в конце концов, был посажен на полковую гауптвахту, а затем предан суду.

Следователю он заявил, что является христианином евангельского учения, принадлежит к секте духоборцев служить не будет и, как пишет в своей рукописи, пояснил, «потому что христианину принять военную власть — то надо брать ружье и убивать человека, но совесть моя етого непозволяет делать, потому сказано въ евангелие: кто возметъ мечъ — от меча и погибнет, а христианинъ не должен етого делать».

Вопр.: а если мы все не будемъ служить и придет врагъ и овладеет нашимъ государствомъ и мы будем, в поробощение?

Ответ: Я не признаю враговъ на земле, потому что все живущия на земле одного отца дети, а наши братья. Если не будешь дле человека врагом, также и он дле тебя не будетъ».

После допроса И. П. Сергеев был предан военному суду, который и приговорил его к заключению в арестантских ротах на 4 года. Наказание это он отбывал сперва во Владивостоке, затем в Томске, при чем, благодаря закону о досрочном освобождении, срок наказания был ему уменьшен до 3-х лет. По словам И. П. Сергеева, ни во Владивостоке, ни в Томске ему не приходилось в тюрьме встречаться с другими осужденными за отказы от военной службы — среди арестантов ему пришлось быть одиночкой. Между тем в то же самое время, когда он отбывал наказание во Владивостоке, в иркутском военно-окружном суде слушалось такое же дело другого духоборца, отказавшегося от военной службы. Выше уже было упомянуто, что в 1893 г. перешедшие в духоборчество котинские крестьяне М. и С. Сергеевы были высланы в Якутскую область на 12 лет и там остались жить. Сын одного из сосланных, Михаил Сергеев, будучи призван в 1909 году на военную службу в гор. Якутске, отказался от нея, ссылаясь на свои религиозные убеждения. Обстоятельный обвинительный акт, копия которого сообщена мне К. С. Шохор-Троцким и находится в его архиве,[1]) подроб-

[1]) Москва. Архив К. С. Шокор-Троцкого. Обвинительный акт по делу о заключенном иркутской дисциплинарной роты Михаиле Сергееве, преданном иркутскому военно-окружному суду начальником иркутской дисциплинарной роты.

но описывает, как произошел этот отказ. Мих. Сергеев показал, что он духоборец и что отец его и мать, когда он был призван, советовали ему отказаться от военной службы, будучи призван в конце 1908 г. и зачислен в якутскую местную команду, он решительно отказался от строевой службы, но занимался работами для своей роты, а затем, мучимый совестью, в августе 1909 г., будучи отправлен вместе с другими солдатами в александровскую команду, отказался от всякой службы и даже не соглашался ухаживать за больными в иркутском военном госпитале, говоря: „что и это военная служба". За это он был заключен в дисциплинарную роту, где отказался не только выполнять приказания, но даже надеть казенную одежду.

Обвинительный акт таким образом резюмирует данные предварительного

следствия.

«Заключенный иркутской дисциплинарной роты, рядовой Михаил Семенович Сергеев, подлежит обвинению в том, что, принадлежа к секте духоборов и будучи принят на военную службу, он в начале сего года, состоя в команде иркутского военного госпиталя, по религиозным убеждениям, с целью совершенного уклонения от воинской повинности, умышленно и при том категорически, отказался от несения каких бы то ни было строевых или нестроевых служебных обязанностей, а, в частности, впервые же дни пребывания его в означенной команде не исполнил последовательно отданных ему фельдфебелем приказаний идти в кухню на работу и стать дневальным у цейхгауза, а затем, несмотря на попытки со стороны военного начальства уговорить его и меры дисциплинарного воздействия, продолжал отказываться от несения обязанностей госпитального служителя и, будучи за это последнее осужден приговором полкового суда 27 сибирского стрелкового полка к отдаче в дисциплинарные части, он, 22 июня с. г., по прибытии в иркутскую дисциплинарную роту, в силу тех же религиозных мотивов, умышленно не исполнил приказания фельдфебеля роты и дежурного офицера переменить белье и надеть казенную одежду, заявив, что он, как духобор, не может и не будет служить в войсках, не только в строю, но и вне строя, и действительно до настоящего времени фактически не нес никаких служебных обязанностей, упорно отказываясь от таковых, что предусмотрено 125 стр., XXII кн. С. В. П. 1869 год. изд. 3".

Военно-окружный суд, рассмотрев дело М. Сергеева, приговорил его к заключению в арестантские роты на 4 года с лишением прав.

Итак, нам известны три случая отказов от военной службы иркутских духоборцев до войны 1914 года. Первый отказавшийся, заявивший о своем отрицании военной службы еще в

———

то время, когда и российские духоборцы, поскольку известно, не считали такой отказ совершенно обязательным для последователей своей секты, согласился нести нестроевую службу. Двое других отказались и от нестроевой службы и были приговорены к четырехгодичному заключению в арестантских ротах.

Война и связанные с нею мобилизации должны были затронуть и иркутских духоборцев. Они были поставлены лицом к лицу с необходимостью взять оружие в руки или отказаться от него, но зато быть преданными военному суду. Есть некоторые указания, что не все иркутские духоборцы решились отказаться от военной службы. Но другие отказывались решительно, и у меня имеется несколько описаний таких отказов, сделанных по моей просьбе отказавшимися.

Наиболее ярким из этих описаний является рассказ крестьянина с. Оёк, Петра Алексеевича Агеева. Его воспоминания показывают, что приходилось переживать иногда отказывающимся, когда они попадали в роту, начальником которой являлся грубый и жестокий человек, и потому историю отказа И. А. Агеева следует рассказать подробно.

Сам П. А. Агеев является не совсем заурядным среди иркутских духоборцев человеком. В 1905 г. во время русско-японской войны, стремясь избежать солдатчины, он вместе с одним своим сверстником бежал в Америку, желая поселиться среди канадских духоборцев. В их среде он пробыл 8 месяцев, и, по его словам, испытывал двоякое чувство. Многое ему нравилось — особенно дружное и красивое пение псалмов и то религиозное настроение, которое было крепко среди канадских духоборцев. Но многое было ему и чуждо — особенно преклонение канадских духоборцев перед Веригиным, которому они подчинялись беспрекословно, считая его свыше одаренным человеком. Через 8 месяцев П. А. Агеев и его товарищ ушли от канадских духоборцев и стали наниматься в работники к фермерам, при чем П. А. Агеев начал мечтать о возвращении домой. Но лишь через 7 лет удалось ему выбраться из Америки: снова посетив незадолго перед отъездом своих единоверцев, уже переселившихся в то время в Британскую Колумбию, П. А. Агеев вернулся в Сибирь и превратился опять в довольно бедного крестьянина села Оёк; спутник же его навсегда остался в Америке. Агеев был ратником ополчения и его призвали сравнительно поздно — в 1915 году, когда мобилизованы были родившиеся в 1877 году.

Явившись в 1-ю роту 718-й пешей дружины, куда его назначили, он подал ротному командиру Телетову заявление о том,

———

что не может служить на военной службе. В своей рукописи П. А. Агеев[1]) так вспоминает об этой первой встрече с ротным командиром и впечатлениях, которые он получил в первый день своего пребывания в казарме:

«Я высказалъ ему изъ 5 й главы евангелия Матвея, о непротивление злу о любви къ врагамъ. Но он мне сказал, что я из тебя зделаю хорошаго солдата, почему все идутъ, а ты не хотишь служить, неужели ты один умной"?

«Я на ето высказалъ ему из послания к Римлянам 3 гл. ст. 10 18, но он сильно выругалъ меня и убежал из казармы. Ето случилось в самый обед, уже солдаты шли с котелкам, кто с баком сощами; такъ же и мои товарищи, вновь прибывшия, стали обедать, кто куда пристроился. Но я не могъ обедать, потому что мои товарищи — солдаты смотрели на меня как бы с презрением и как будто бы боялись меня. Никто со мной не говорил ни слова, хотя бы я с кемь и начинал разговаривать». После обеда, узнав, что будет двухчасовой перерыв в занятиях, П. А. Агеев пошел к своей сестре, которая жила в Иркутске, и она поддержала его в решении отказаться от военной службы. Вернувшись в казармы, он не вышел на занятия и отказался исполнить приказание командира, велевшего ему идти во двор, где обучались солдаты.

Дальнейшее П. А. Агеев описывает таким образом:

«Онъ сильно разгорячился и больше со мной не сталъ ничего говорить, почувствовалъ себя или побежденнымъ или осмеяннымъ, только сильно выругался и убежалъ надворъ. Через минуты две является с двумя сильнымъ, здоровымъ

мущинамъ, которым велел взять меня и тащить надвор, где происходит занятие. Эти два человека схватили меня и потащили внизъ полестнице на дворъ со второго этажа. Я не помню, как вдруг учутился середь двора».

Когда П. А. Агеев снова отказался обучаться, ротный командир предложил ему хотя бы поворачивать по команде голову направо и налево, но получил отказ:

«Я нацто сказалъ, что непредовайте членовъ вашихъ греху и орудие неправды, но предоставьте себя богу, как оживших из мертвых, и члены ваши богу в орудие праведности (Послан. римл. 6 глова, ст. 13). Но он опять тем же двумъ человеками велел взясть и вертеть меня по команде направо и налево. Оне взяли меня и вертели, как им было приказано, но когда

[1]) Рукопись эта, написанная по моей просьбе, озаглавлена: «Духобор Петръ Агеевъ. Мой отказ».

опускали меня, то я убеждал Телетова своими пониманиями, как я отношусь ко всему человечеству, что все люди братья, одного отца дети. Тогда он, видя, что силой меня учить трудно, да и мало сведущ или очень вредной, тогда он подбежалъ ко мне и нахаркалъ мне полныя глаза и сказал, что я тебя заморю в тюрьме. Сам убежали велелъ вести меня в свою канцелярию. Когда меня привели, то еще сильно ругал меня и топал ногам, написал на меня рапорт и отправил на гоуптвахту».

Полковой суд приговорил П. А Агеева к заключению в дисциплинарный батальон на 3 года.

Здесь он заявил, что желает отбывать наказание, «как христианин, а не как провинившийся солдат» и сперва отказался даже надеть казенную одежду, но, когда его платье изорвали, он уступил и надел форменную одежду. В карцере, куда его посадили за отказ обучаться словесности, ему давали горячую пишу через 3 дня на четвертый, а потом перевели зимой в холодный карцер, где он едва не замерз. После двадцатидневного заключения в карцере, он был переведен в общую камеру, где ротный командир предложил ему выполнять обязанности хлебопека. На это он согласился, и до революции, которая его освободила, работал на кухне. Интересно отметить, что, по словам П. А. Агеева, с ним вместе были в дисциплинарном батальоне заключенные за отказ от военной службы, принадлежавшие к разным сектам. Одни из них, например, адвентист Цибульский, соглашались нести нестроевую службу, и начальство дисциплинарного батальона, по большей части, оставляло их в покое. Другие, например, молоканин Ланкин с двумя своими товарищами из Благовещенска, и единомышленник Л. Н. Толстого — Егошин, отказывались от всякой службы и должны были за это вновь судиться. Но между всеми ими установились дружеские отношения, и П. А. Агеев тепло вспоминает о своих товарищах по заключению. Благодаря им он познакомился, между прочим, с некоторыми сочинениями Л. Н. Толстого, которые ему очень понравились.

П. А. Агеев говорил мне, что отказ от военной службы очень его «поддоржал»; по его словам, он перед отказом стал жить, как остальные — «мирские» — крестьяне, а

столкновение с военной службой заставило его встряхнуться и увеличило его силы.

Кроме П. А. Агеева, отказались еще несколько духоборцев, при чем мне удалось собрать точные сведения лишь о трех таких случаях. В 1915 году судился за отказ от военной служ-

бы Михаил Петрович Сергеев — младший брат Ив. Петр. Сергеева и был приговорен к трехлетнему заключению в дисциплинарном батальоне. После уничтожения дисциплинарного батальона во время революции 1917 года, он был переведен в тюрьму, где просидел еще 6 месяцев, пока не получил освобождение при советской власти. В том же году судился за отказ от военной службы другой духоборец — Александр Николаевич Сергеев. Его приговорили к 2½ годам заключения в дисциплинарном батальоне.

Наконец, в 1916 году отказывался от военной службы старший брат Ив. Петр, и Мих. Петр. Сергеевых, пожилой, многосемейный крестьянин — Василий Петрович Сергеев, призванный как ратник ополчения. В составленной по моей просьбе рукописи, озаглавленной «Рассказ сектанта духоборца Вас. Петр. Сергеева об отказе от военной службы», В. П. Сергеев довольно подробно рассказал историю своего отказа.

Будучи призван на службу и отправлен в Красноярск он отказался обучаться ружейным приемам, несмотря на угрозы ротного командира. За это он был посажен под арест, а затем вытребован к командиру полка. По словам В. П. Сергеева, командир отнесся к нему очень доброжелательно. Он мягко попытался его убедить служить, но когда увидел, что это не удастся сказал:

— «Я вижу, что запрещает тебе учение Христа служить и обучаться. Ну, я не желаю тебя отдать под суд, а передаю тебя в нестроевую роту 15-го полка».

Против этого В. П. Сергеев, повидимому, решительно не протестовал и пробыл в нестроевой роте до революции, после которой смог вернуться домой.

Таким образом мы видим, что среди духоборцев Иркутской губернии одни отказывались категорически от военной службы в каком бы то ни было виде, а другие, в конце концов, соглашались отбывать службу, но лишь не беря в руки оружие.

После революции положение отказывающихся от военной службы значительно улучшилось. Декретом 4 янв. 1919 г. таким лицам было предоставлено право возбуждать ходатайства перед народным судом об освобождении от военной службы. Иркутские духоборцы воспользовались этим правом: в 1920, 21 и 22 годах в совете народных судей и его особой сессии было рассмотрено пять таких заявлений, поданных молодыми духоборцами, подлежавшими призыву.

Ходатайства эти, по большей части, удовлетворялись и духоборцы в то время освобождались от военной службы.

III.

Духоборцы Иркутской губернии, повидимому, только одну зиму находились в общении с теми, одним или двумя, сосланными с Кавказа духоборцами, которые их обратили в свою веру. Затем, больше 30 лет, поскольку нам известно, они не соприкасались со своими единоверцами и лишь в самом конце девяностых годов, встретились с высланными в Якутскую область духоборцами, но встреча эта была мимолетная. Интересно выяснить, в какой мере сохранилось в их среде духоборческое учение, какие элементы их верований имеют местное происхождение и как протекает в настоящее время их религиозная жизнь.

К сожалению, однако, на эти вопросы мы пока не можем дать достаточно полный ответ: в нашем распоряжении нет источников, позволяющих точно установить, в какой мере иркутские духоборцы успели в шестидесятых годах воспринять религиозные взгляды и обычаи духоборцев. Мы не можем точно установить, какие элементы духоборческого вероучения ими забыты, так как не знаем, в каком объеме они восприняли в свое время духоборческие верования.

Наиболее ранние известия о вероучении иркутских духоборцев можно найти в упомянутых уже выше архивных материалах, но они говорят больше о том, что духоборцы отвергали, чем о том, что они признавали.

В следственном деле о браке духоборца Матвея Сергеева с Анной Щекиной имеется рапорт священника Оёкской церкви Ларева, помеченный январем 1875 года и содержащий некоторые сведения о духоборческом вероучении.

Священник Ларев так говорит о верованиях местных духоборцев:

«Духоборцы в котинском приходе, не принимая предания православной церкви, писаний святых отцов, а потому, разумеется, своеобразно понимая Евангилие и Апостол, в которых не видно ясных указаний на внешнюю, обрядовую сторону таинств, крестного знамения, чествования святых икон и проч., решительно отвергают всякие религиозные обряды не только при таких важных эпохах в жизни человека, как крещение, бракосочетание и погребение, но у духоборцев нет даже коленопреклонений, поклонений и вообще всех тех видимых, телесных

знаков молитвенного обращения человека к Богу, какие употребляются в церкви православной" [1]).

Далее говорится, что духоборцы оправдывают такую „безучастность тела" ссылками на слова Евангелия о поклонении Богу духом и истиной, а те места писания, которые можно принести в подтверждение необходимости обрядов

толкуют иносказательно. На своих собраниях духоборцы читают отрывки из Евангелия и деяний апостольских, при чем, если собрание происходит по поводу рождения, погребения, или брака, выбираются соответствующие места.

Кроме того, сообщаются некоторые интересные подробности о духоборческих религиозных собраниях:

„Пение псалмов (по ихнему посаломов) на голос „не одна ли в поле дороженька" составляет также необходимую принадлежность всякого собрания святых: „духоборцы называют себя не иначе, как святыми."

Переходя к описанию брака Матвея Сергеева, свящ. Ларев рассказывает, что жених и невеста «без всякой предварительной церемонии» были посажены в передний угол стола. Затем „старший по возрасту, читает по Евангелью о браке галилейском, а потом все гости читают по порядку сиденья, кто, что может, так как большая часть святых неграмотна." Потом начали петь псалмы и приступили к ужину, при чем пили и водку. К своим псалмам духоборцы присоединяли и пение рождественского и пасхального ирмоса, херувимской песни, и других церковных песнопений, при чем указывается, что духоборцы поют и сон Богородицы. Празднование брака, по словам свящ. Ларева, закончилось чтением из Библии отрывка о браке Товита и пением обыкновенных свадебных песен.

К сообщению свящ. Ларева следует, разумеется, отнестись с некоторой осторожностью. Он сам не мог присутствовать на свадьбе Матвея Сергеева, да и к тому же его положение могло помешать ему быть беспристрастным свидетелем. Но в этом сообщении можно все же выделить элементы, позволяющие уяснить себе некоторые черты, характерные для религиозной жизни иркутских духоборцев. Прежде всего нужно отметить, что иркутские духоборцы категорически отрицали всякую церковную обрядность, при чем те места Евангелия, на которые обычно ссылаются защищая таинства, толковали иносказательно. Эта черта характерна и для российских духо-

---

[1]) Арх. ирк. дух. конст. Дело 1 стола, за 1873 г., № 107, л. 2 об.

борцев: они тоже признают правильным лишь духовное поклонение Богу, указывая на тот же текст, который приведен и в сообщении свящ. Ларева, и так же иносказательно объясняют некоторые места Евангелия, указывая например, что под крещением надо понимать духовное перерождение и т. д.

Но вместе с тем можно отметить и некоторые отличия. По словам свящ. Ларева, на собраниях иркутских духоборцев не бывает никаких поклонов. Российские духоборцы верят, что дух Божий живет в душе человека, проявляется в истинно верующих, и потому на каждом собрании они проделывают особый обряд земного поклонения друг другу: каждый в определенном порядке кланяется в ноги присутствующим и затем происходит взаимное целование. Некоторый отзвук этих духоборческих воззрений, может быть, возможно найти в словах свящ. Ларева о том

что иркутские духоборцы считают себя святыми. Но на обычай взаимного земного поклонения нет никаких указаний, хотя он должен был бы обратить на себя внимание тех, от кого свящ. Ларев слышал об этих собраниях. Точно также не свойственно российским духоборцам и чтение на собраниях священного писания: они все свое учение вложили в свои псалмы, частью являющиеся лишь слегка измененными отрывками из священного писания, частью представляющие собой короткие катехизисы с вопросами и ответами, частью же — религиозными песнопениями. Одни из этик псалмов поются на собраниях, иные произносятся по очереди всеми присутствующими, при чем каждый говорит тот псалом, который еще не был сказан другими, и в этом, главным образом, заключается богослужение духоборцев. Но иркутские духоборцы, по-видимому, не усвоили все духоборческие псалмы, которые в совокупости составляют «Животную книгу духоборцев», заменяющую им писание и этим можно объяснить, что они придавали большее значение чтению Евангелия и Библии, чем их российские единоверцы.

Но, как видно из показания свящ. Ларева, пение и произнесение псалмов на собраниях у них тоже было принято. Характерно также указание, что эти псалмы поются на мотив заунывной народной песни: российские духоборцы именно так поют свои псалмы, и мотив пения иркутскими духоборцами заимствован у них вместе с вероучением.

Приведенные выше слова: «все гости читают по порядку сидения, кто, что может, так как большая часть святых неграмотна» могут быть поняты, как указание на то, что и иркутские духоборцы по очереди наизусть произносили неко-

торые псалмы: если бы в этом случае речь шла о чтении, то оно было бы недоступно неграмотным. Анна Николаевна Сергеева, о свадьбе которой идет речь, подтвердила мне это предположение.

Наконец, можно отметить пение на свадьбе Матвея Сергеева радостных церковных песнопений и народных свадебных песен, хотя трудно выяснить, насколько достоверно это сообщение. Что же касается показания о том, что на свадьбе пили спиртные напитки, то это довольно вероятно. В то время и российские духоборцы не запрещали категорически своим последователям употребление спиртных напитков, а Е. П. Сергеев говорил мне, что иркутские духоборцы в начале не отказывались от водки.

Таким образом, архивные материалы показывают, что уже в первое время после того, кик иркутские духоборцы отошли от православия, в их воззрениях и религиозных обычаях можно было отметить вместе с чертами, характерными для российских духоборцев, и некоторые местные особенности.

Дальнейшие известия подтверждают этот вывод.

Астырев, посетивший иркутских духоборцев в 1888 году, рассказывает, что на собрании их читалось Евангелие, которое пояснял один из присутствующих, затем по очереди каждый произносил какой нибудь псалом, и, под конец, началось

заунывное, на задушевное пение псалмов. Он отмечает также, что никаких особенных обрядов на своих собраниях духоборцы не выполняли: они читали и говорили псалмы сидя, взаимное поклонение не происходило и присутствовавшие держали себя очень просто. В зимнее время собрания происходили очень часто: по вечерам духоборцы постоянно собирались, то у одного, то у другого из своих единоверцев, при чем женщины приносили с собой работу и но время собрания занимались рукоделием.

Наконец, о рукописи Е. П. Сергеева также говорится о том, что иркутские духоборцы придавали особенно большое значение чтению священного писания:

«Духоборческия семейства стали собираться в свои дома для богомолия и назидания своего учения. Грамотныхъ у них небыло настоящих, а малограмотны, то принимали всякого человека, который бы мок хорошо читать и писать в каких небудь затруднительных делах, их касающих. А далее стали обучать детей к грамоте в тех же церковных школах». В другом месте сказано еще определеннее: «они сами именовали

себя христианами и руководились не словом кавказских духоборцев, а учением Евангелия.»

Псалмы, которые поют иркутские духоборцы, могут до некоторой степени помочь уяснить их религиозные воззрения. Как было уже сказано, российские духоборцы все свое вероучение вложили в свои псалмы и, повторяя их на своих собраниях, они постоянно возобновляют в памяти основные положения своей веры. Среди духоборческих псалмов надо выделять так называемые «вопросо-ответные», которые дают ответы на вопросы; что значит слово «духоборец»? как понимать бытие Бога? следует ли почитать святых? как толковать чудеса? и т. д., не произносятся на собраниях, а заучиваются лишь, как изложение веры.

В памяти духоборцев Иркутской губернии эти псалмы не сохранились. Когда я начал спрашивать об этих псалмах нескольких духоборцев, то лишь старушка Е. П. Сергеева и старик Ф. П. Сергеев вспомнили, что когда то такие псалмы были им известны и стали припоминать начало одного такого псалма, но так и не смогли вспомнить. Надо иметь в виду, что псалмы эти отличаются очень искусственной формой, содержат и некоторые туманные выражения, имеющие целью передать мысль так, чтобы она была понятна лишь посвященным, и поэтому естественно, что эти псалмы были забыты скорее, чем те, которые употреблялись, как молитвы или как песнопения. Если бы в памяти иркутских духоборцев сохранились все псалмы, выученные ими в свое время со слов тех, от кого они приняли свое, вероучение, то мы могли бы отчасти узнать, в каком объеме усвоили они некогда духоборческое вероучение. Но они забыли не только вопросо-ответные псалмы, которые, вероятно, и вообще знали мало, т. к. они трудно запоминаются, но и многие иные.

Российские духоборцы имеют около 400 псалмов. Естественно, что ссыльные духоборцы, недолго бывшие в общении с обращенными ими котинскими

крестьянами могли передать им лишь небольшую часть общего количества тех псалмов, которые хранятся в памяти их общины. Тем не менее иркутские духоборцы когда-то знали довольно много псалмов: Н. Астырев рассказывает, что одна из духоборческих девушек знала 42 псалма. Трудно, правда, сказать, все ли эти псалмы были духоборческими; в их число могли входить и неизмененные псалмы из Псалтири и духовные стихи не духоборческого происхождения, которые нередко поют и российские духоборцы. Теперь, во всяком случае, число подлинных духоборческих псалмов, которые помнят иркутские духоборцы, меньше. Сами духоборцы это

отличают и объясняют тем, что за последние два три десятилетия они познакомились с другими духовными песнопениями благодаря евангельским христианам баптистам, которые появились в Иркутской губернии в начале девяностых годов и даже несколько раньше. Духоборцы, заимствовав некоторые песнопения у них, стали забывать свои. Тем не менее мне известно 15 духоборческих псалмов, которые они относят к числу старинных. Одиннадцать из этих псалмов записал для меня Е. П. Сергеев, частью со слов своей матери, неоднократно упомянутой шестидесятишестилетней неграмотной старушки Е. А. Сергеевой, остальные записаны мною также с ее слов.

Приступая к изучению псалмов иркутских духоборцев, можно заранее предположить, что они должны отличаться от псалмов духоборцев российских. То обстоятельство, что иркутские духоборцы являются небольшой кучкой сектантов, потерявших связь с основной массой своих единоверцев, должно было сделать их псалмы более бедными не только в количественном отношении. Не имея возможности возобновить в своей памяти воспринятые некогда псалмы, иркутские духоборцы естественно должны были забывать их, при чем могли выпадать отдельные слова и целые фразы. Некоторые выражения могли заменяться другими, и таким образом должны были получаться варианты. Но вместе с тем у иркутских духоборцев могли сохраниться и некоторые псалмы, уже исчезнувшие у духоборцев кавказских или получившие у них новую редакцию: иркутские духоборцы узнали псалмы в шестидесятых годах, а псалмы, составившие духоборческую „Животную Книгу", записаны в 1900 г. уже после переселения духоборцев в Канаду. За эти сорок лет у живших более интенсивной религиозной жизнью российских духоборцев могли появиться новые псалмы; возможно, однако, предположить, что и некоторые старые псалмы могли выйти из употребления у духоборцев российских и случайно сохраниться в Иркутской губернии.

Те немногие псалмы, которые удалось записать у иркутских духоборцев, как и следовало ожидать, неизмеримо беднее псалмов российских и значительно от них отличаются. Из четырнадцати псалмов и песнопений, имеющихся в моем распоряжении, лишь в шести можно узнать псалмы, напечатанные в „Животной Книге", но и эти псалмы короче российских и кое-чем от них отличаются.

Как характерный пример такого укорочения, можно привести псалом: „Боже, Отче Всемогущий", взятый из рукописи Е. П. Сергеева и сравнить его с псалмом, напечатанным в „Животной Книге" [1]):

[1]) Животная Книга духоборцев, под ред. В. Бонч-Бруевича. СПБ. Стр. 153.

Боже, Отче Всемогущей, Бохъ нашъ в трех лицах пребывать. Существом Бога признавай к тебе, Господи, прибегаем, хотим, Господи рабам твоим быть, твою волю творить, всем путям твоим ходить. Отъ метежа всех человековъ оставляем друзей и Братьев, все мирское попечение, в мире Слава, Сребро и Злато, но гле [1]) нас оно ни что же — тиби ради, Христе, Боже наш. Конец.

Боже, отче всемогущий, прежде сущий. Боже своих людей кличет. В трех лицах пребывает, всему миру зорно светит. Существом тебя, Господи, познаем; к тебе, Господи, прибегаем, многия слезы проливаем, благоволи же ты, Господи, всем твоим путем итти, твою волю творити. А я раб твой хочу у тебя быти, тебе, Господи, послужити от сия же до всей жизни. Друзья — братья, оставляйте все мирское, лишайтесь. В мире слава: — серебро, злато, а нам ни что же — тебя ради, Христе Боже наш. А я тесным путем штуся [2]), во пространном творюся. Поможи мне, Господь Варламов [3]). Он меня к Богу примирил, то есть правдой и светем просветил еси во век.

Богу нашему слава.

Сравнивая эти псалмы, можно видеть, что первый из них не только короче второго, но и содержит очень немного таких выражений, которых нет во втором.

Остается впечатление, которое, правда, трудно окончательно доказать, что первый псалом образовался таким же путем, каким полузабытое стихотворение, в котором выпали отдельные стихи и слова, получается из стихотворения, первоначально усвоенного полностью. Если бы мы имели два разных варианта, вероятно, различие было бы более существенно: одни и те же мысли могли быть выражены несколько по разному, так как процесс дополнения того или иного произведения связан с некоторым новым творчеством.

Сопоставляя псалмы, приведенные выше, можно отметить тождественность многих выражений. В другом случае, сравни-

[1]) „гле" — или „гли" — так в Иркутской губ. часто произносят слово „для".

[2]) Слово „штуся" духоборцы пояснили „иду". Прим. В. Бонч-Бруевича. „Жив. Кн." стр. 153.
[3]) Переиначенное слово Авраамов. Прим. В. Бонч-Бруевича, там же, стр. 153.

вая псалом иркутских духоборцев с соответствующим псалмом духоборцев российских, можно притти к выводу, что мы имеем перед собой лишь довольно близкие варианты. Таков, например, псалом иркутских духоборцев „соберемся мы, казаченьки", который они поют, как протяжную песнь. Среди псалмов, входящих в „Животную Книгу", нет такого, который бы начинался этими словами, но в псалме „Воспойте Богу песнь новую" [1]), можно отметить отрывок, равняющийся приблизительно одной трети его, в котором в выражениях близких, хотя и не тождественных, развивается тот же мотив — борьба с «женою любодеицею», вавилонской блудницей, выведенной в Апокалипсисе, и, по мнению духоборцев, изображающей символически православную церковь.

Псалом этот взят мной из рукописи Е. П. Сергеева, где он записан в одну строку и, так как лишь некоторые места его совершенно отчетливо делятся на строфы песни, я приведу его, не разделяя на строфы.

«Соберемся мы, казачинки, напоследнеъ времечко, подумаемъ едну думушку, воспоем мы песню новую. Непора ли нам, казачинки, во похотъ идти, пот тотъ великий вавилонский гратъ пот ту ли жену скверную прелюбодейницу? Таже скверная жена любодейница сидит назвере багряномъ доржит в руках чашу злотую, наполненною мерзостями земными. Напоила она всех царей и князьей земных, все прелюбодействовали с нею, и хотела напоить воина великого, сына человеческого, но оввешался[2]) взясь чяшу из руки ее, но не пить и неесть, а вложить въ уста ее. Конец». Псалом российских духоборцев на этом не оканчивается — дальше идет изображение страшного суда.

Среди записанных у иркутских духоборцев псалмов есть еще несколько таких, которые являются сокращенными или более или менее измененными псалмами „Животной Книги". Так, иркутские духоборцы знают детский псаломчик: «Сотворил Господь человечка-малолеточка», который читают с незначительными отступлениями от текста, записанного у духоборцев российских[3]) и помнят другой маленький псалом, тоже называемый детским „Дом наш благодатный"[4]). Кроме того у них есть еще один небольшой псалом, который они тоже называют детским, т к. он очень короток, несложен, и легко запоминается:

[1]) Животвая Книга духоборцев. Спб. 1909. стр. 181.
[2]) Очевидно — обещался.
[3]) Животная Кинга, Спб. 1909. стр. 170.
[4]) Там же, стр. 236.

«Затворитеся двери адския, приобщи нас, Господи, к стаду избранному и утверди нас, Господи, на камени благокоренном и радостном» [1]).

Наконец, среди псалмов, записанных Е. П. Сергеевым, можно отметить псалом, начинающийся словом „Придите, увидите дела Бога живого", который почти совпадает с псалмом «Животной Книги» — «Придите, видите дела Божий». Из других псалмов, которые имеются у иркутских духоборцев, надо отметить один, по общему своему духу, содержанию и форме типичный для духоборческих псалмов, но отсутствующий в „Животной Книге". Подобно многим псалмам он является одновременно и молитвой и восхвалением Бога, и мне пришлось слышать, как старушка Е. А. Сергеева, от которой я его записал, произносила его на собрании:

«Возлюбленный Отче Благий, научи нас оправданием своим и будь с нами до конца. В начале было слово, и слово было у Бога, Бог бо есть слово, без его ничто же. Сколь велик и силен, кто имеет премудрость. Никто не был, не сильнее его, кто боится возлюбленного отца благого, терпит ради слова его. По нынешнему веку дал Иисус Христос новую жизнь человеку — иметь чистую совесть, кротость, смирение, делать добро, говорить правду. Возрадуется сердце, возвеселится дух о благодати Божьей. Царствуй душа в правде, тогда приблизится ко престолу Божьему». В общем, можно сказать, что часть тех немногочисленных псалмов, которые сейчас употребляются иркутскими духоборцами, несомненно, заимствована ими от российских, но у них нет особенно длинных, торжественных и проникнутых религиозным пафосом псалмов, которых много в духоборческой „Животной Книге".

Некоторые псалмы российских духоборцев являются видоизмененными отрывками из Библии, часть из них заимствована из Псалтыри. Последние псалмы были раньше в употреблении и у иркутских духоборцев; Астырев отмечает несколько таких псалмов.

Наряду с псалмами, российские духоборцы употребляют духовные песнопения, которые они называют „стишки". Среди этих религиозных песнопений — много заимствованных у других сектантов, и, по традиции, они поются не во время молитвенных собраний. Иркутские духоборцы знают один из таких стихов, который, однако, называют псалмом и считают своим,

---

[1]) Записаны со слов старушки Е. А. Сергеевой.

———

„Идет молодой юноша и слезно плачет, тяжелехонько воздыхает. Ему навстречу младому юноше идет сам Иисус Христос".

Стих этот, который в разных вариантах поют не только российские духоборцы, но и другие сектанты, возник, повидимому, у старообрядцев и до сих пор поется в их среде.

Наконец, вместе со старинными псалмами духоборцы поют в домашнем быту и религиозные песнопения, заимствованные у баптистов.

Знакомясь с псалмами, которые поют духоборцы Иркутской губернии, можно убедиться, что они сохранили, слегка видоизменив, некоторые псалмы, воспринятые от российских духоборцев, но число этих псалмов очень не велико, и наиболее сложные и длинные псалмы российских духоборцев им неизвестны.

К аналогичному выводу можно прийти, знакомясь с вероучением и обрядами иркутских духоборцев. Отрицательная сторона учения российских духоборцев воспринята и сохранена и их иркутским единоверцами. Они не признают внешнего богопочитания и отвергают всякие обряды и таинства. Встречаясь с баптистами, которые, повидимому, в последнее время имели на них некоторое влияние, они решительно отрицали необходимость крещения, доказывая, что „крещение не есть омытие плотской нечистоты, а обещание Богу доброй совести", и баптисты, в конце концов, потеряли надежду их переубедить.

Но довольно сложное учение российских духоборцев о Боге не вполне усвоено их иркутскими единоверцами. Российские духоборцы учат, что Бог есть дух, который создал вселенную и живет в душе каждого верующего. С этим согласны и иркутские духоборцы. В рукописи Е. П. Сергеева есть такое место: „бога мы признаем въ невидимом существе, в евангеле Іоана в 4-й гл. 24 ст. говоритца: бог есть дух, поклонятца должно вдухе истене, исщит таких. Так же сказано: ежель мы любим друг друга, то Бог в нас прибывает. Такое наше основание".

Но отличительной особенностью российских духоборцев является уверенность, проявлявшаяся на протяжении всей их истории, что Дух Божий в полной мере выявляется всегда в душе одного человека, который непосредственно руководит верующими, как их духовный вождь, посланный свыше. Таким человеком они считают Иисуса Христа и уверены, что, умирая, он оставил после себя преемника. И во главе секты духоборцев стоит человек, в котором воплотился, по их мнению, дух Божий, и

———

которому они беспрекословно повинуются. Это учение об Иисусе Христе не было усвоено или не сохранилось у иркутских духоборцев: божественную власть духоборческих руководителей они не признают и, повидимому, даже не знали бы о ней, если бы не встретились с последователями Веригина, бывшими в ссылке в Якутской области, и, если бы П. Агеев не побывал в Канаде, где ему пришлось лично наблюдать, как подчиняются духоборцы своему вождю. Это учение о божественной власти Веригина, по словам П. Агеева, больше всего помешало ему присоединиться к своим канадским единоверцам.

Что же касается учения об Иисусе Христе, то иркутские духоборцы, повидимому, склонны в большей мере приписывать Христу божественные свойства, чем это делают российские духоборцы, признающие его человеком, в душе которого выявился Дух Божий. По крайней мере, Е. П. Сергеев говорил мне о Христе, как о Сыне Божием и спасителе человечества.

Точно также по разному смотрят российские и иркутские духоборцы на

Евангелие и книги ветхого завета. Российские духоборцы хранят в памяти свою „Животную Книгу", в псалмах которой имеются целые отрывки из священного писания, и эти псалмы являются для них источником вероучения. Вместе с тем, будучи убеждены, что во главе их общины стоит вождь, вдохновляемый свыше, и что сами они составляют общество верующих, в душах которых тоже проявляется Дух Божий, они считают, что учение их может развиваться, и писание, будучи проявлением воли Божией в свое время, теперь не является единственным источником вероучения; их вождь может творить новые заповеди, дополнять прежние. Иркутские же духоборцы, уже в силу своей изолированности, в писании, преимущественно, в Новом Завете, должны были видеть главный источник своего вероучения, и они обычно пытаются обосновать свои взгляды текстами.

Не вполне принимая догматы вероучения российских духоборцев, их иркутские единоверцы разделяют их взгляды на значение добрых дел. По крайней мере поучения о необходимости любовного отношения к людям, правдивости, честности и т. д. являются обычной темой на духоборческих собраниях. Точно также они считают непозволительным курить и пить вино.

В первое время после появления духоборчества в Иркутской губернии, по словам Е. П. Сергеева, в их среде не было определенного запрещения курить и пить, и он считает довольно вероятным показание священника, имеющееся в одном

из выше изложенных дел, о том, что на духоборческой свадьбе было выпито много вина.

В последние же десятилетия, может быть, под влиянием примера баптистов, духоборцы Иркутской губ. считают совершенно недопустимым употребление табака и вина. Это не мешает, впрочем, некоторым молодым «природным духоборцам» курить и выпивать. Но эти молодые люди, вообще, как было уже сказано, ничем, кроме отрицания обрядов, не отличаются от окружающих их крестьян и, когда в 1920-м году была сделана попытка оживить иркутское духоборчество, они не приняли в ней участия.

Будучи оторваны от своих российских единоверцев, иркутские духоборцы не могли участвовать в том религиозном движении, которое происходило в девяностых годах на Кавказе под руководством Веригина. Они не усвоили и некоторых принципов, выдвинутых в то время — например, не отказались от мясной пищи. Но, по крайней мере, некоторые из них вполне сочувствуют этому движению, и возможно, что отказались от вина и табака они не только под влиянием примера других сектантов, но и потому, что узнали при краткой встрече с отправленными в Якутскую ссылку приверженцами Веригина об их безусловно отрицательном отношении к табаку и вину.

Собрания у духоборцев Иркутской губернии проходят во многом иначе, чем у российских духоборцев. У них нет обычая, разделившись на 2 стенки, земно кланяться друг другу и произносить определенную формулу взаимного приветствия.

Просто, сойдясь в избе, они садятся, не соблюдая определенного порядка. Один из них читает Евангелие или Послания Апостолов, реже отрывки из книг ветхого завета и, как умеет, их поясняет.

Затем поются псалмы, а в конце каждый из присутствующих, по очереди, встает и говорит тот или иной псалом. Это произнесение по очереди различных псалмов является наиболее характерной чертой молитвенных собраний и у российских духоборцев.

Собрания происходят у иркутских духоборцев редко — главным образом — по большим праздникам. Объясняется это той малой интенсивностью религиозной жизни иркутских духоборцев, которую уже приходилось отмечать выше.

Подводя итоги, можно сказать, что исследование прошлого и современного положения духоборцев Иркутской губер-

———

нии дает новый материал, для истории народных религиозных движений в Сибири.

Изучая архивные источники, можно отметить ряд случаев, когда сосланные из России сектанты пытались подействовать на местное население и находили среди него последователей. Несколько таких случаев можно отметить в отношении духоборцев, сосланных в Сибирь еще в первой половине XIX века [1]). Привлеченные к суду, новые последователи секты обычно держались довольно стойко и в свою очередь присуждались к тем или иным наказаниям. Но проследить историю таких новообращенных сектантов, выяснить, во что превращалась со временем их религиозная община, обычно нет возможности за отсутствием материалов. Исследование духоборцев Иркутской губернии позволяет выяснить, хотя и далеко не полно, историю одной такой попытки насаждения духоборчества среди местного населения. Окалывается, что небольшая группа сектантов, оторванная от своих единоверцев, не нашла достаточно сил для того, чтобы окрепнуть и распространить дальше свое вероучение.

Но она все-таки и не исчезла окончательно. Очень вероятно, что за то короткое время, в продолжении которого предки современных иркутских духоборцев находились в общении с теми, кто отклонил их от православия, они даже не усвоили духоборческого вероучения во всем объеме. Те положения, которые были ими восприняты, также не сохранились у них в полной мере: кое-что было ими забыто, кое что постепенно изменено.

Предоставленные самим себе, они в большей степени, чем российские духоборцы, должны были пользоваться писанием, и в некоторых пунктах иначе формулировали свои убеждения. Часть их молодежи почти утратила веру своих отцов. Но вместе с тем надо признать, что иркутские духоборцы проявили довольно большую живучесть и стойкость. Не смотря на притеснения со стороны окружающих, они не вернулись в православную церковь. Отдельные люди из их среды, отстаивая свои убеждения, отказывались от военной службы и, при старом строе, несли за это наказание. Община их не укрепилась и не расширилась, но она нее же является

интересной для изучения.

---

[1]) М. Муратов. Духоборцы в Восточной Сибири в первой половине XIX века. Труды Ирк. Гос. Унив. в. V.